

«Он бросил камень... И вот что произошло?» Куреха-сэнсэй посмотрел на мою перевязанную руку. Даже с моим исцеляющим фактором, рука все еще была в основном искалечена.

Когда я поймал камень, он взорвался в моей руке, и осколки камня действовали, как шрапнель, разрывая и вгрызаясь в плоть моей руки. Это вообще не было похоже на камень, я словно держал в руке осколочную гранату. Кости были в основном в порядке, только два моих пальца были сломаны. Это была плоть и мышцы, которые получили большую часть повреждений.

К тому времени, как я добрался до Редзанкпаку... Ну, по крайней мере, кровотечение прекратилось. Это же хорошо, верно?

Кивнув головой, я заговорил хриплым голосом: «Он просто бросил его, как будто пытался заставить камень прыгать по воде... И вот что случилось, когда я его поймал. Он чудовище до мозга костей,» мой голос был полон едва остывшего гнева и ненависти, которые другие в комнате не считали возможным услышать от шестилетнего ребенка.

Странная реакция начала повторяться снова, моя кожа медленно краснела, а жар моего тела поднимался. Бумажный веер, ударил меня по голове.

«Успокойся, Ю. Мы не знаем, как эта... "Форма" воздействует на тебя. Ты можешь навредить себе, приняв ее, так что успокойся,» раздался голос Акисаме, у меня за спиной. Куреха кивнул головой, прямо передо мной.

«Послушай его, Ю. Тепло твоего тела намного выше нормы, и оно даже вполнину не такое горячее, как было, когда ты впервые попал сюда. Я удивлен, что твое тело все еще функционирует. Большинство ферментов и химических реакций в твоем теле должны были бы прекратиться, даже при такой температуре, и все же, насколько я могу судить, ты все еще нормально функционируешь...» Задумчиво пробормотал Куреха, закончив перевязывать мне руку.

В этот момент, дверь кабинета распахнулась, и появилось встревоженное лицо моей матери. Она оглядела всех обитателей комнаты, прежде чем ее налитые кровью глаза остановились на мне.

Несмотря на мои невероятные рефлексы, она появилась передо мной прежде, чем я успел даже поприветствовать ее. Она притянула меня к себе, и крепко обняла, и из-за моих ран мне показалось, что два питона окружили меня и пытаются задушить.

Но... Это два питона, за которых я охотно умру. Я обнял маму в ответ, слыша ее рыдания.

Каждый ее всхлип причинял боль больше, чем раны. Больше, чем искалеченная плоть, больше, чем бесчисленные трещины в моих костях, больше, чем внутренние повреждения... Это цена моей слабости.

Слабость ранит не только вас, но и тех, кто вас окружает. Если бы я был достаточно сильным, моя мама не плакала бы сейчас. Я бы тоже не был в таком жалком состоянии.

Эти мысли бесконечно кружились в моей голове, подпитываемые рыданиями матери.

Гнев, который я испытывал раньше, исчез, сменившись холодной, твердой решимостью.

Весь прошлый год я старался изо всех сил, тренируясь до мозга костей. Но этого было недостаточно. Я должен приложить еще больше усилий. Еще дальше уйти за свои границы. Это

выходило за рамки того, чтобы просто быть достаточно сильным, чтобы защитить их... Я хотел быть достаточно сильным, чтобы они никогда не волновались. Речь шла о том, чтобы быть достаточно сильным, чтобы им никогда не пришлось проливать обо мне слезы.

Я почувствовал, как еще одна пара рук обняла меня. Они были значительно ниже ростом, чем моей матери, и я сразу понял, кому они принадлежат.

Шоко-нисан.

Она увидела мои раны и тоже начала тихонько всхлипывать, уткнувшись головой мне в плечо, словно надеясь, что ее слезы облегчат мои раны. Слезы не помогали, но забота, которую я чувствовал от этих двух женщин (ну, женщины и девочки)... Это было похоже на анестезию, которая подавляла боль и укрепляла мою решимость стать сильнее.

Наверное, я просто больше не могу позволить себе быть таким слабым, да?

Плач продолжался некоторое время, и Акисаме с Курехой дали нам немного уединения, так что к тому времени, когда они остановились, я уже мог должным образом объяснить маме, что произошло. Пришло время рассказать ей, почему я так много тренируюсь.

«Что случилось, Юкиро?» Спросила она серьезно, ее голос был тверд, но покрасневшие глаза, красноречиво говорили о том, как она беспокоилась обо мне, «Кто сделал это с тобой?» Ее голос из серьезного превратился в резкий, и я не мог не улыбнуться тому, какой свирепой моя мама могла быть, когда дело касалось меня и Шоко.

«Это...» Я сделал паузу на секунду, но продолжил после того, как увидел ее настойчивые, нет, умоляющие глаза: «Это был "он", мама. Он пытался причинить вред Шоко-нисан, поэтому я вмешался, и вот что произошло,» я указал на свою руку и другие раны на моем теле.

При упоминании "его" мама побледнела, ее глаза расширились от страха. Такой страх разозлил меня, но я сохранил спокойствие, вспомнив слова Акисаме и Курехи о моем гневе и той странной форме, в которую я вхожу, когда достаточно сильно напрягаюсь или сильно злюсь.

Но, к моему удивлению, ее страх был мимолетным и сменился гневом. Чистая ярость. Ее глаза снова покраснели, но на этот раз не от слез: «Как он посмел!» Она взвизгнула, стиснув зубы, «Как. Он. Посмел!» она говорила сквозь стиснутые зубы, ее голос сочился ненавистью. Шоко выглядела обеспокоенной, но я схватил ее за руку, и она немного успокоилась, хотя все еще смотрела на нашу маму с беспокойством. Чего и следовало ожидать. Она слишком молода, чтобы понять, через что прошла наша мама.

«Последние два года или около того он угрожал вам обоим, чтобы я стал сильнее,» сказал я ровным голосом, но хмурый взгляд говорил о том, как я был расстроен внутри, «Я боюсь, что это только усугубится...» Я не осмеливался говорить дальше, боясь сглазить это как-нибудь.

Услышав то, что я сказал, Мама была выбита из колеи своим гневом, и только тупо смотрела на меня. Она подняла руку и погладила меня по щеке, ее глаза были полны беспокойства и извинений.

«Мой маленький мальчик...» Она слабо произнесла, когда прежняя ярость исчезла и рассыпалась в прах: «Ты ведь так много чего плохого пережил, не так ли?» Спросила она, и ее печаль снова вернулась, «И все из-за твоей слабой матери...» Я оборвал ее, прежде чем она успела продолжить.

«Нет!» Я решительно опроверг ее слова, «Это не из-за тебя. Это все из-за "него"!» Я говорил напряженно, моя ненависть и убийственное намерение лились из моих слов и глаз, «Никогда, и я имею в виду никогда, не извиняйся передо мной, мама. Тебе не за что извиняться. Ты привела меня в этот мир, ты вырастила меня, когда имела полное право ненавидеть меня... Я всегда буду в долгу перед тобой и сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить тебя. Тебя, и Шоко,» Я крепко сжал руку Шоко, почему-то боясь отпустить ее.

Услышав меня, мама снова разрыдалась, и слезы хлынули из ее глаз, когда она крепко обняла меня. Со стороны было бы трудно сказать, кто был ребенком, а кто - родителем.

Я не возражал против этого и просто гладил маму по спине и по ее волосы, успокаивая ее.

<http://tl.rulate.ru/book/32941/722387>